Когда из яви сочатся сны,

Когда меняется фаза луны,

Я выхожу из тени стены,

Весёлый и злой.

Когда зеленым глаза горят,

И зеркала источают яд,

Я десять улиц составлю в ряд,

Идя за тобой.

Твоя душа в моих руках

Замрет, как мышь в кошачьих лапах,

Среди тумана не узнает меня,

И ты на годы и века

Забудешь вкус, и цвет, и запах

Того, что есть в переплетениях дня.

Ты спишь и видишь меня во сне:

Я для тебя лишь тень на стене.

Сколь неразумно тебе и мне

Не верить в силу дорог.

Когда я умер, ты был так рад:

Ты думал, я не вернусь назад,

Но я пробрался однажды в щель между строк

Я взломал этот мир, как ржавый замок,

Я никогда не любил ворожить, но иначе не мог.

Когда я в камень скатаю шерсть,

Тогда в крови загустеет месть,

И ты получишь дурную весть

От ветра и птиц.

Но ты хозяин воды и травы,

Ты не коснёшься моей головы,

А я взлечу в оперенье совы,

Не видя границ.

Тебя оставив вспоминать,

Как ты меня сжигал и вешал:

Дитя Анэма умирало, смеясь.

А я вернусь к тебе сказать:

Ты предо мной изрядно грешен,

Так искупи хотя бы малую часть.

Ты спишь и видишь меня во сне:

Я для тебя лишь тень на стене.

Я прячусь в воздухе и в луне,

Лечу, как тонкий листок.

И мне нисколько тебя не жаль:

В моей крови закипает сталь,

В моей душе скалят зубы страсть и порок,

А боль танцует стаей пёстрых сорок.

Я никогда не любил воскресать, но иначе не мог.

Когда останемся мы вдвоём,

В меня не верить – спасенье твоё,

Но на два голоса мы пропоём

Отходную тебе.

Узнай меня по сиянью глаз,

Ведь ты меня убивал не раз,

Но только время вновь сводит нас

В моей ворожбе.

Опавших листьев карнавал,

Улыбка шпаги так небрежна.

Дитя Анэма не прощает обид.

Ты в западню мою попал,

Твоя расплата неизбежна.

Ты знаешь это – значит, будешь убит.

Ты спишь и видишь меня во сне:

Я для тебя лишь тень на стене.

Настало время выйти вовне,

Так выходи на порог.

Убив меня много сотен раз,

От смерти ты не уйдёшь сейчас,

Но ты от злобы устал и от страха продрог,

Я тебе преподам твой последний урок.

Я никогда не любил убивать, но иначе не мог.

Я никогда не любил ворожить,

Я никогда не любил воскресать,

Я никогда не любил убивать,

Я никогда не любил,

Но иначе не мог…

(С) Канцлер Ги

* * *

…Рейнбоу Дэш открывает глаза. Знакомый серый потолок со световой панелью, стены с постерами, подвальное окошко в верхней части стены.

Без труда она узнает свою каморку в «Пони-Плее», которую раньше группа «Пинк Дрэгон» использовала в качестве гримерки, а теперь ставшую домом для Рейнбоу Дэш Вендар.

С минуту пегаска лежит, непонимающе глядя в потолок. В ее горле сухо, а голова раскалывается от боли.

Взгляд рубиновых глаз падает на пол, где лежит несколько пустых бутылок от «Эпплджек Дениелс», явно опустошенных накануне, и еще одна, квадратная, с этикеткой «Мехрен Пит». Аккурат рядом с миниатюрой Гайки в обтягивающем черном комбинезоне.

– Допилась до глюков, – говорит Дэш вслух и встает с диванчика, где лежит, заботливо прикрытая пледом. – Все, завязывать пора. Нехрен пить, короче… А то уже «белочка» началась.

Она тратит несколько минут на то, чтобы привести себя в порядок. Принять душ, вымывая из шерстки пот и, почему-то, песок, чистит зубы и меняет забитый пылью, поношенный комплект одежды на свою старую спортивную форму. В боях у нее участвовать настроения нет, а таскать тяжелую кожу внутри здания нет особенного смысла.

В коридорах «Пони-Плея» пусто и как-то непривычно тихо. Ни тебе приглушенных аккордов музыки из главного зала, что пробивается даже сквозь звукоизоляцию, ни криков и стонов, ни голосов. И хотя отсутствие людей еще как-то можно объяснить, где все пони? Многим из них

даже запрещено покидать комнаты.

Клуб как будто вымер.

Даже в зале никого нет: пустует темная арена и барные стойки, плотно закрыты ширмы альковов для уединения. Никого нет за столиками и на диванах, даже охранника Джеки не видать.

Лишь одна человеческая фигура сидит на диване спиной к вошедшей Дэш.

Пегаска, лишь слегка удивляясь, цокает копытами к выходу. В конце концов, «Пони-Плей» мог закрыться на ремонт или что-то вроде того. Память отказывается служить, подкидывая образы какого-то бреда вроде собственной смерти и загробного мира.

– Далеко собралась? – догоняет ее тихий вкрадчивый голос.

Рейнбоу вздрагивает и оборачивается, уже зная, кого увидит за ближним к входу в клуб столиком.

И действительно, на кожаном диванчике, со стаканом минералки в руке, развалился Алекс Вендар. В неизменной практичной одежде «милитари» и тяжелых ботинках с высокой шнуровкой.

– Ну что, Дэши, – усмехается человек, – нравится тебе твоя свобода?

Рейнбоу, не в силах в полной мере совладать со своей памятью, даже не знает, что ответить. Сквозь входную дверь пробивается приглушенный матовым стеклом солнечный свет, под углом падающий на пол и освещающий Дэш, а еще Алекса, чье лицо скрывают тени: свет в клубе почти не горит, но пегаска только рада этому. Еще не хватало видеть блеск этих серо-стальных глаз.

От накатившего страха она лишь замирает, глядя на жуткую тень хозяина.

– Присаживайся, – рука делает приглашающий жест.

Пони, словно во сне, бредет к диванчику, но неимоверным усилием воли останавливается на полпути.

«Если он сейчас захочет начать меня лапать, – думает Рейнбоу, – то я не знаю, что сделаю…»

– Ничего, – говорит Алекс, словно прочитав мысли бывшей подопечной. – Ничего ты не

сделаешь, девочка моя, как и всегда. Покоришься.

– Это сон, – стараясь быть уверенной, отвечает Дэш, с трудом подавив желание попятиться. – Просто гребаный сон, кошмар. Ты сдох.

– Неужели? – в голосе звучит неприкрытая насмешка.

– Я сама убила тебя! – забывшись, пегаска срывается на крик.

– Ты убила лишь своих друзей. Старых и новых. И себя.

– Неправда! – кричит Рейнбоу со слезами на глазах.

Это самообман, и Алекс наверняка об этом знает.

Бывший хозяин смеется. Тихим, ровным смехом уверенного человека. Рейнбоу Дэш вдруг думает, что ни разу не слышала его смеха раньше.

Никогда.

И от этого становится просто жутко. До дрожи, до холодной испарины, до спазма в горле.

Сколько злобы может быть в человеке, что за без малого двадцать лет ни разу не засмеялся?

Алекс молча кидает на стол стопку фотографий. Те рассыпаются в лучах света.

Пони успевает заметить на них изображения пони и людей, которым когда-то нашлось место в сердце лазурной пегаски и которые…

– Не-ет! – кричит пегаска, зажмурив глаза, а смех Алекса Вендара перерастает в леденящий кровь волчий вой…

* * *

– …Рейнбоу! Рейнбоу Дэш! – вклинился в сознание звонкий голос, который мог принадлежать

только Гайке Коннорс. – Проснись! Проснись же!

Пегаска почувствовала, что ее трясут. Вернее, пытаются, но особенно не могут сдвинуть с места.

Еще бы. Тому, кто имеет рост с человеческую ладонь, даже маленькая пони от «Хасбро» будет казаться слоном.

Сделалось смешно, и губы Рейнбоу даже успели приподняться в улыбке.

Но ворвавшийся в остатки сна волчий вой заставил пони испуганно вскочить.

Под иссиня-черным, усеянным звездами куполом, раскинули широкие листья пальмы оазиса. Небольшой костерок разгонял ночную тьму, раздавался тихий плеск источника и шелест травы на слабом ночном ветерке.

Пегаска повернула голову и увидела обеспокоенную Гайку, что стояла рядом.

– Что… происходит? – выдавила Дэш.

– Сначала ты стала метаться и кричать во сне, – пояснила мышка, – а потом раздался волчий вой. Довольно близко. Хорошо еще, я не стала тушить костер…

Рейнбоу обхватила себя передними ногами и отвернулась, подавив желание свернуться комочком. Ее еще колотило от страха, а в ушах звучал этот кошмарный смех.

– Тебе что-то приснилось, да? – раздался голос Гайки.

– Все ништяк, – буркнула пони, – просто замерзла.

– Рейнбоу…

– Не лезь ко мне! – огрызнулась Дэш.

Мышка хотела что-то сказать, но леденящий душу волчий вой раздался снова. Ближе.

Пегаска села и переглянулась с Гайкой. Да, Рейнбоу была бойцом. Но при этом она оставалась маленькой пони, притом безоружной и нелетающей. И если хищник окажется слишком крупным или, паче того, не один, путешествие может закончиться здесь и сейчас.

В кустах у источника мелькнуло что-то белое. Бесшумное. Но слишком маленькое для волка.

Прежде, чем кто-либо успел что-то предпринять или даже предположить, рядом с кругом света от костра появилось белоснежное, хоть и немного растрепанное существо. Острая мордочка, аккуратные ушки и пушистый хвост, обернувшийся вокруг лап, когда зверек уселся на берегу источника.

– Лиса, – растерянно проговорила Гайка.

– Агась, – кивнула Рейнбоу. – Белая.

Они какое-то время смотрели друг на друга. У лисички оказались умные глаза, совершенно черные в сумерках. Она сидела, внимательно смотря на путешественниц, а когда волчий вой раздался вновь, оглянулась и прижала ушки.

– Что мы сидим? – вдруг спросила Рейнбоу. – Собирай манатки и бежим.

– Что? – удивилась Гайка. – Куда?

– Куда угодно, только подальше от волков! Или предпочитаешь подождать, когда они решат проверить на вкус двух синтетов? Далеко не факт, что костер их удержит надолго.

Сборы не заняли много времени, хотя из-за посветлевшего горизонта успел показаться диск желтого солнца. При этом лисичка внимательно наблюдала за путешественницами, водя мордочкой вслед за ними, спешно сворачивающими лагерь.

– Я не уверена, что убегать от волков по голой степи – хорошая идея, – сказала вдруг Рейнбоу. – Хотя я, скорее всего, смогу ускакать от них по прямой. К тому же, готова поспорить, волки не в той форме, чтобы пробежать марафон по олимпийским нормам. А я вполне.

– Твое разрешение ехать на тебе еще в силе? – уточнила Гайка.

– Проклятье, конечно да! – взвилась пегаска. – Ты полагаешь, я тебя брошу на съедение? Можешь меня презирать, но оскорблять не смей, ясно?!

– Прости… – смутилась мышка. – Я вся на нервах…

– Залезай давай, – буркнула пони, смотря в сторону.

Едва Гайка утвердилась на спине Рейнбоу Дэш, рядом нарисовалась лисичка. Отбежала немного в сторону, противоположную той, откуда раздавался вой, и оглянулась на синтетов.

– Следуй за белым кроликом, – фыркнула пони.

– Дэш, тебе не кажется, что сейчас не время шутки шутить? – спросила Гайка. – Она ведь явно хочет помочь!

– Сейчас самое время. За нами гонится гребаный волк!

Гайка попыталась возразить, но пегаска рванула галопом. Мышка прикусила язык и промолчала.

Лисичка впереди прибавила ходу, а когда оазис остался позади, Рейнбоу услышала вой совсем близко.

– По закону подлости, в конце пути нас будет ждать не белый сахарный шпиль со вкусом малины, а судья Рок с бластером! – прорычала Дэш на ходу.

– Побереги дыхание.

Рейнбоу только фыркнула. Подумаешь, немного легкого галопа по степи!

Она оглянулась назад. На фоне скрывающих источник зарослей появился волк. Такой же белый, как и лиса, что делало его нелепым посреди степи.

Вот только смеяться пегаске почему-то совсем не захотелось.

Потому что могучий зверь был пугающ. Каждое движение было преисполнено спокойной силы, и нечего было и думать справиться с таким в копытопашной. Уж что-то, а силу противника Рейнбоу Дэш Вендар, чемпионка гладиаторской арены клуба «Пони-Плей», научилась распознавать.

Волк, оторвав морду от следов, поднял взгляд, и в следующую секунду лазурная пегаска с криком понеслась в степь самым быстрым карьером, на который только была способна.

Гайка едва не свалилась на землю, когда объятая паникой пони рванула прочь, оставив в стороне дорогу и вообще мало что соображая.

Мышка судорожно вцепилась в ворот куртки. Ей, конечно, очень хотелось узнать, что так напугало храбрую пегаску, но сейчас было не до этого. Впереди вставал из-за горизонта диск желтого солнца и мелькал пушистый хвост белой лисицы, а позади вновь послышался вой.

Этот вой казался не просто звуком. Весь мир будто отозвался на него, воздух зарябил,

скручиваясь в какую-то зловещую линзу.

Но Рейнбоу не обратила на это внимания, и только припустила быстрее, хотя казалось, куда уж больше. Да еще и начала на ходу махать крыльями. То ли рефлекторно, то ли пытаясь дополнительно ускориться.

Гайка не знала, сколько длилась эта бешеная гонка в клубах пыли. В стороне осталось шоссе и оазис, но и волчий вой в следующий раз раздался гораздо дальше.

Мимо проносились образы, расплывчатые в темноте, и мышке казалось, что кто-то тянет к бегущей пони когтистые лапы. Или это была игра воображения?

Может быть, тени издавали какие-то звуки, но волчий вой все заглушал.

Но с каждым разом он звучал все – жуткий волк, похоже, отставал от стремительно скачущей пегаски.

Но Рейнбоу Дэш и не думала останавливаться. Она скакала, как безумная, сквозь будто бы густеющий воздух.

Не остановилась она даже когда горизонт посветлел еще больше и когда расплывчатые тени будто остались там, позади, в ночной темноте, сраженные золотыми лучами.

В рассветной дымке, поднявшейся над степью, появились темные громады каких-то построек или техники. На такой скорости Гайка не могла рассмотреть подробно, но Дэш немного сбавила темп, тяжело дыша.

Лисичка, едва видная в белесой мгле, мелькала где-то впереди, но пони умудрялась не упустить из вида странного проводника.

– Рейнбоу, – позвала Гайка, – стой! Притормози, ради всего святого!..

Пегаска отреагировала не сразу. Но когда мышка уже решила воззвать еще раз, почувствовала, как скорость продолжила падать.

Бока пони тяжело вздымались, а дыхание с хрипами вырывалось из груди. Шерсть на шее взмокла, и Гайка снова неуместно подумала, что исходящий от понячьей шкурки запах совсем не похож на конский пот.

– Во имя Диснея и всех святых, – выдохнула мышка, – что с тобой, Дэши?

Она поймала себя на том, что все еще судорожно цепляется за ворот кожаной куртки. Не без труда разжав сведенные судорогой пальцы, Гайка подавила желание успокаивающе погладить Рейнбоу по шее: неизвестно, как та отреагирует в таком состоянии.

Радужная пегаска ответила не сразу. Прижав уши, она оглянулась на недоумевающую мышку, и та увидела в рубиновых глазах просто животный ужас существа, заглянувшего в лицо собственной смерти.

В голове мышки мелькнула мысль о взыгравших инстинктах, призывающих убегать от хищников. В конце концов, в качестве основы для эквестрийских пони в БРТО использовали гены карликовой лошадки фалабеллы, и природа могла взять свое.

Пегаска, видимо, догадалась об этих мыслях, потому что сказала:

– Я не боюсь волков. Потому что я ни фига не гребаная лошадь.

Немой вопрос читался на лице мышки, но Рейнбоу не продолжила, а только отвернулась и пошла легкой рысью, единственно чудом не потеряв из виду белую лисичку.

– Тогда что на тебя нашло? – напрямую спросила Гайка после затянувшейся паузы.

Дэш сжала зубы и зажмурилась, хотя мышка не могла этого видеть, догадалась по тому, как напряглась шея пони.

Конечно, крупный хищник внушал ей опасения, но не большие, чем, к примеру, грифон или хищный фурри, с которыми приходилось встречаться на арене. И уж куда меньшие, чем незнакомый человек на улице Серого Города.

А тут, подумаешь, волк! Пусть и белый. Пусть и сильный. Рейнбоу и сама задумалась, что же могло ее так напугать.

В следующее мгновение она вспомнила, и по спине вновь пробежал холодок, а горло перехватило спазмом. Понадобилось усилие воли, чтобы не броситься вскачь снова.

Глаза.

У жуткого белого зверя были человеческие глаза. Холодные, серо-голубые, полнящиеся спокойным безумием. Те самые, что преследовали Дэш Вендар во сне и ранее – наяву.

– Рейнбоу?.. – подала голос Гайка.

Пегаска снова обернулась. В ее душе сейчас боролась гордость Рейнбоу Дэш и непреодолимое желание выговориться хоть кому-то.

– Глаза… – наконец, тихо прошептала она, – меня напугали его глаза.

– Не поняла?

– У него были глаза Алекса Вендара! – воскликнула Дэш, и Гайка услышала слезы в надломившемся голосе.

От шока мышка даже не сразу нашлась, что ответить.

Дэш попросту колотило: она лишь один раз видела столь безумный взгляд, когда хозяин в подростковом возрасте поймал ее на выпивке…

«Пинк Дрэгон» в новом составе произвел настоящий фурор.

Шестнадцатилетняя Рейнбоу, спев одну песню, почувствовала такое восторженное возбуждение, как никогда раньше. Даже успехи Арены меркли по сравнению с овациями зрителей.

Не сговариваясь, они с Дрейкусом и Бобом сыграли еще одну, и еще. Рейнбоу начинала, музыканты подхватывали, и зрители ликовали еще и еще.

Дэш даже пожалела, что Скуталу Вайс и Свити Бель Поттер в это время отсутствовали в клубе. Обзавидовались бы.

К вечеру, когда усталая группа ввалилась в гримерку, драконид громогласно предложил отпраздновать такой успех и распланировать будущие концерты в свете того, что управляющий клуба передал «Пинк Дрэгону» одобрение самого мистера М.

Из-под стола появился целый ящик выпивки и куча всяких закусок, и Дрейкус с Бобом начали «праздновать». Пегаска, помня негативное отношение Алекса к подобному времяпровождению, отказывалась, пока уже порядком окосевший ящер не обнял ее когтистой лапой и не сунул прямо под нос стакан со словами:

– Ну же, стаканчик для самой потрясной Рейнбоу клуба!..

Дэш тогда не удержалась и по примеру друзей опрокинула в себя выпивку залпом. Горло

словно обжег огонь, пегаска закашлялась и чуть не рассталась с ужином. Но сумела волевым усилием удержать в себе крепкое виски и даже поднять заслезившиеся глаза на довольно скалящегося драконида.

– Сильна, старуха! – расхохотался тот. – Даже не закусывая!..

– За самую крутую пегасочку на свете, что дала новую жизнь «Пинк Дрэгону»! – провозгласил Боб, поднимая свой стакан, и пришлось повторить…

После третьего стакана Рейнбоу почувствовала, что голова начинает кружиться, а глаза словно застилает густой, приятный туман.

Боб и Дрейкус уже набрались так, что не могли встать, и первый предложил переночевать прямо тут, в гримерке, раз уж Рейнбоу отпросилась у Алекса на всю ночь.

Драконид своей тушей занял весь диван, со стола убирать не хотелось, и пони с человеком остался широкий матрас в дальнем углу.

Нетвердой походкой добравшись до матраса, пегасочка облегченно рухнула на спину, подложив передние ноги под голову. Все тело переполняло чувство блаженной истомы, мир слегка кружился. Вставать совсем не хотелось. Дэш снизошла лишь для того, чтобы сбросить куртку, оставшись в спортивных штанах, которые надевала под доспех на арену.

Рубиновые глаза закрылись. Рейнбоу почувствовала, как рядом тяжело опустился на матрас грузный человек, и лениво прянула ушами.

Вдруг она почувствовала, как по животу и груди прошлась тяжелая рука.

Рейнбоу хихикнула от щекотки и открыла глаза. Боб лежал, повернувшись к ней, и поглаживал ее.

– Какой у тебя упругий животик, – сказал человек заплетающимся языком.

– Боб, я это… спать хочу… – промямлила Рейнбоу Дэш Вендар, с улыбкой глядя на человека, – а ты щекочешься.

– Хочешь, я поцелую тебя на ночь, маленькая?

Рука вдруг притянула пегасочку вплотную, после чего спустилась по боку и остановилась на бедре, прямо на том месте, где под тканью скрывалась кьютимарка…

Пегаска дернулась. То, что некоторые люди любят делать с маленькими пони, она уже знала. Еще перед визитом в клуб наставник ей много чего рассказал, а пони с Арены подтвердили.

И хотя Дэш в силу возраста испытывала некоторые позывы собственного тела, но никогда еще – в отношении людей, кроме, разве что, Алекса. И в любом случае это ее настораживало и даже пугало, и сейчас перспектива оказаться в объятиях пьяного толстяка заставила рубиновые глаза широко распахнуться от страха, а голову – моментально протрезветь.

– Боб, нет! – громко сказала она. – Дрейкуса же разбудишь!

– Этот пьяный ящер не проснется, даже если его самого поиметь, – бросил человек, неверными движениями пытаясь запустить ладонь Рейнбоу в штаны. Пока не получалось.

– Пусти, я не хочу!

– Да брось, ты уже большая девочка, это приятно, вот увидишь…

– Алекс тебе голову оторвет! И мне заодно!

– А он не узнает. Я тебя не обижу, и ты ему не скажешь…

Рейнбоу быстро поняла, что пьяный толстяк настроен решительно. Ловким, отточенным движением она вывернулась из неуклюжего захвата и отпрянула от новой попытки поцелуя. Начавшему вставать Бобу она несильно, но чувствительно влепила задней ногой в грудь, отчего тот захрипел и повалился навзничь.

Пегаска же, подхватив свою курточку, в страхе выскочила за дверь. Добежав до ближайшего выхода, она прянула в небо со всей возможной скоростью.

В полете поняша немного пришла в себя. Привычная стихия, прохлада ночного ветра и яркие огни отходящего ко сну Гигаполиса немного успокоили испуганно колотящееся сердечко. Дыхание выровнялось, и до того бесцельно кружащая в ночи пегаска повернула к дому…

В принципе, она могла не возвращаться до утра, но в этот раз оставаться в клубе ни в какую не хотелось…

…Вскоре Дэш приземлилась на заднем дворе, прямо на песчаную площадку для тренировок под открытым небом. В доме не горел свет: видимо, Алекс уже лег спать, и Рейнбоу, тихо отворив дверь (чуть не лопнула от гордости, когда наставник доверил ей ключ!), вошла в темноту коридора.

Стараясь ступать тихо, она дошла до своей комнаты наверху и, уже расстелив кровать, вдруг

услышала сзади голос хозяина:

– Решила вернуться так рано?

Дэш от неожиданности вздрогнула и немного расправила крылья, но быстро пришла в себя и повернулась к двери.

Алекс стоял в дверном проеме, опираясь на косяк могучим плечом. Он был одет. То ли сидел в темноте и не спал, то ли оделся, пока Рейнбоу готовилась ко сну.

– Так получилось, – смущенно пробормотала Дэш, опустив уши и отведя взгляд.

Алекс вдруг нахмурился. Рейнбоу этого не видела, тем более в полумраке, но ноздри человека задрожали, когда тот попристальнее принюхался.

– Подойди ко мне, Дэши.

Холодный голос хозяина заставил сердечко пегаски екнуть. Таким голосом Алекс всегда читал нравоучения провинившейся пони. Хотя он сам разрешил провести ночь вне дома, лишь бы на тренировку вовремя пришла.

Но если он поймет, что подопечная выпила…

Дэш сделала несколько робких шагов вперед.

– Ближе.

Еще шаг.

Алекс опустился на колено и взял Рейнбоу за подбородок, заставив посмотреть прямо себе в лицо.

– А ну, дыхни.

Рейнбоу Дэш исполнила приказание, и в следующую секунду хозяин резко встал.

Сильная рука схватила пони за загривок и дернула к двери. Пегаске только и оставалось, что переставлять ноги, едва поспевая за размашистым шагом хозяина.

Алекс притащил Рейнбоу в гостиную и резко швырнул на пол, словно куклу. Та привычным

движением сгруппировалась и, перекувырнувшись, встала на ноги.

Но в этот раз Алекс не похвалил ее за безупречно выполненное упражнение. Зажегся свет, и Дэш почувствовала, как душа уходит куда-то в район копыт.

Потому что впервые в жизни она наблюдала на лице Алекса Вендара выражение бешеной злобы, а в глазах – будто голубое пламя. Спроси кто маленькую пони сейчас, она честно бы призналась, что это самое жуткое, что ей доводилось видеть в жизни.

– Как ты посмела?! – прорычал человек. – Что я говорил тебе насчет спиртного?!

– Ч-что эт-то вредно… – пролепетала Рейнбоу.

– Я категорически запретил тебе прикасаться к этой дряни до двадцати лет! Что тебе было неясно? ОТВЕЧАЙ!

– Алекс, я…

– Смотреть в глаза! Не мямлить!

Рейнбоу Дэш сделала над собой усилие и посмотрела в эти ужасные глаза, полные ярости. Кулаки Алекса сжались в гневе, и пегаска почувствовала, как хвост предательски поджимается.

– Наша группа в клубе произвела огромное впечатление, – слегка дрожащим голосом проговорила пони. – Мы все решили отпраздновать, и я не удержалась от предложенного Дрейкусом стакана…

– Ради этого я тебя тренирую?! – прорычал Алекс, явно сдерживающийся, чтобы не ударить воспитанницу. – Ради этого слежу за твоим здоровьем лучше, чем за собственным?!

Дэш еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Она знала, что Алекса слезы не трогают, и даже наоборот, особенно если вина воспитанницы была очевидна. А просто так наставник никогда не сердился и не наказывал.

Алекс протянул руку и за шиворот направил Рейнбоу к топчану.

– Снимай одежду и ложись, – прежним, ровным голосом сказал он. – Сегодня получишь по полной, чтобы до утра обдумать свое поведение.

Рейнбоу хотела что-то сказать, но прикусила язык. Она прекрасно знала отношение Алекса к

выпивке. Он строго-настрого запретил воспитаннице пить, недвусмысленно намекнул, что та пожалеет, если ослушается.

Так и случилось.

Пегаска УЖЕ жалела, что поддалась на уговоры Дрейкуса.

Когда же Алекс подошел к топчану с длинным хлыстом в руке, Рейнбоу пожалела о вечернем веселье еще больше.

Ей никогда в жизни еще не было так больно. Если до того Алекс наказывал ее либо палкой (на тренировках), либо ремнем (за проступки вне занятий), то сегодня он наглядно доказал: все, что было до того можно считать легкой щекоткой.

Дэш начала кричать с первого удара и успела охрипнуть к тому времени, как Алекс закончил. Ей до смерти хотелось спрыгнуть с топчана и бежать без оглядки от этой боли, но она прекрасно понимала, что идти ей некуда. Да и попытки избежать наказания всегда вели к его ужесточению и не более…

…В эту ночь Дэш спала на животе. Вернее, тщетно пыталась заснуть, тихо скуля в промокшую от слез подушку и пытаясь отвлечься от огня, что волнами разливался по крупу, бедрам и нижней части спины.

После порки Алекс умыл ее, перевязал и отнес в комнату, после чего, как обычно, оставил «обдумывать».

Судя по ощущениям, хлыст для верховой езды иссек шкурку до мяса. Такого еще не было. Подумав о том, как потом покажется в душевой или перед доктором с исполосованной задницей, Рейнбоу почувствовала, как уши краснеют, а слезы льются с новой силой.

Поняша даже подумала, что лучше было бы остаться в клубе. В конце концов, вряд ли бы Боб решился принуждать ее. Поприставал бы и отстал. А утром, может, еще и извинился.

Пегаска, зло хлюпая носом, мысленно перебирала для Боба и Дрейкуса всевозможные кары. Когда часы на стене показали пять, а над городом забрезжил робкий рассвет, измученную пони все же сморило.

В последний раз пожелав Бобу и Дрейкусу поиметь друг друга в разных позах, пегаска закрыла глаза и забылась беспокойным и неглубоким сном…

…Видение, как всегда, кончилось быстро: в реальности прошло совсем немного времени, хотя мысленно Дэш пережила целый вечер и ночь.

– Может, тебе показалось? – спросила тем временем Гайка. – Ну, мало ли волков с голубыми глазами? В гетто чуть ли не каждый пятый точно.

– Глаза – это еще не все, – пробурчала пони, – еще взгляд. У животных таких не бывает. Даже у фурри.

– Уверена? – все еще сомневалась мышка. – У страха глаза велики.

– Еще как, – кивнула Дэш. – Уж я-то этот взгляд узнаю из тысячи.

Гайка помедлила, прежде чем привести следующий аргумент, потому что ей и самой стало не по себе:

– Ты же не верила в то, что это загробный мир.

Пони вздохнула:

– И до сих пор не хочу верить. Но при одной мысли, что это так, делается дурно: это ведь значит, что и он мог оказаться здесь, – взгляд рубиновых глаз поднялся на мышку. – И я до усрачки боюсь, что Алекс и вправду встретился нам.

– Я понимаю, – кивнула мышка.

Рейнбоу Дэш помедлила, («прежде») чем ответить:

– Нет, не понимаешь. Ты ведь знаешь заключение полиции: Алекс Вендар сдох от передоза слаксом. И это действительно так. Но кое-что они упустили…

…Рейнбоу Дэш Вендар дрожащими копытами открыла ящик хозяйского стола.

Тот не был заперт: Алекс не без оснований полагал, что страх будет держать воспитанницу на расстоянии.

Но тот же самый страх и отчаяние довели голубую пегасочку до того, что она решила нарушить все запреты.

В ящике лежало несколько упаковок с ампулами слакса – наркотика, который Алекс постоянно вкалывал себе перед тем, как начать насиловать воспитанницу. По слухам, эта адская смесь увидела свет примерно полвека назад и с тех пор была верной спутницей тусовок, дискотек и оргий. Слакс был мощнейшим стимулятором и одновременно заставлял людей и человекоподобных синтетов острее чувствовать удовольствия.

Рейнбоу тряхнула гривой, отгоняя воспоминания. Времени и так было мало.

Из кармана куртки появилась электронная отмычка, купленная у барыг в «Пони-Плее». Несколько простых движений, и настройка лежащего здесь же автоинъектора была перепрошита. Теперь тот должен вогнать в вену дозу вшестеро выше, рассчитанную на существ больше человека раза в три: все шесть ампул, заправленных в обойму.

– Приятно провести время, ублюдок, – процедила Дэш сквозь зубы и отправила коробку обратно в ящик стола, а электронную отмычку – в утилизатор.

Алекс говорил, что сегодня вечером Рейнбоу ждет очередное «наказание». Это означало порку, изнасилование и, возможно, что-то еще: фантазия хозяина была богатой.

Повод был надуманный – ясно как божий день, что Вендару просто приспичило поразвлечься с цветастой лошадкой и послушать ее жалобные крики и мольбы о пощаде.

Рейнбоу пробовала все: сопротивляться, терпеть, взывать к милосердию и разуму.

До смерти хотелось вернуть прежнего Алекса: строгого наставника, мудрого учителя, настоящего кумира, по сравнению с которым меркли даже «Вондерболтс».

Но черта давно была пройдена, и понимание того, что прошлого не вернуть, сжимало сердце лазурной пегасочки в тисках горя и отчаяния, а душу переполняло гневом и злобой…

…Гайка почувствовала, как по спине пробежался холодок.

Убийство синтетом хозяина – это нечто из ряда вон. Директивы поведенческих программ в этом вопросе не делают исключений, даже для полноценных боевых моделей типа мегадесантников или боевых биоморфов.

И редко кому удавалось довести столь безобидного синтета как «хасбровская» пони до агрессии со смертельным исходом.

– Но… как это упустила полиция? – выдавила мышка. – Наверняка же были улики,

расследования…

– Все просто, – усмехнулась пегаска, – дело в человеках, как всегда. Все было так…

…Сержант Пол Уотсон приложил к дверному замку значок.

Полицейский допуск открыл разблокированную дверь дома в частном секторе на парковом уровне «Эпсилон». Серый город, но квартал из благополучных, буквально в десятке-другом километров от Шпилей.

По мнению сержанта – слишком уж роскошно жил телохранитель, пусть даже и наивысшего класса: двухэтажный дом с садовым участком, пусть и построенный далеко не на почве, а на многоуровневой искусственной террасе. Охраняемая территория, близость Белого города, а значит – технологические чудеса вроде флаеров, роботов и виртуального интеллекта чуть ли не в тостере.

Вызов поступил от коллег проживающего здесь Алекса Джей Вендара. Те обеспокоились, что мистер Вендар второй день не отвечает на вызовы и не появляется в служебном аккаунте.

Тоже подозрительно: слишком уж быстро спохватились.

По мнению Пола, которое было натуральным клише с дешевых детективов, этот мистер Вендар был не тем, за кого себя выдавал. Полицейский не знал, что в виду своей абсурдности это мнение полностью совпадало с объективной истиной: мнимый телохранитель был никем иным как агентом ГСБ – Глобальной Службы Безопасности.

Вряд ли высокопоставленным – иначе тут было бы не протолкнуться от «глобальников».

Но всерьез подобные подозрения сержант Уотсон даже не рассматривал. Скорее, он бы поверил в версию с криминалом.

Дом встретил полицию тишиной. Автоматики здесь почти не было, хозяин жил один, хотя и держал какого-то синтета.

– Мистер Вендар? – позвал Пол, на всякий случай держа наготове разрядник. – Вы дома?

– Ну конечно, – подал голос напарник, Мик Стетсон, – а нас сюда просто так позвали.

Пол уже открыл было рот, чтобы нагрубить в ответ, но тут до его слуха донесся тихий хрип.

Сержант поднял оружие и подкрался к единственной двери, откуда лился свет. Ноздрей коснулся неприятный запах химии и испражнений.

Мик тоже притих и распластался по стене, прикрывая напарника. Несмотря на не слишком дружеские отношения, оба полицейских знали свое дело.

Дверь распахнулась от пинка бронированного сапога, и Пол Уотсон с разрядником наперевес появился в спальне дома.

Его взору предстала картина, вызывающая чувство глубокого омерзения.

Алекс Вендар был здесь.

Лежал голый на спине в луже испражнений и блевотины, с перекошенным лицом и смятым в руке инъектором. Характерный химический запах безошибочно указывал на слакс: настоящий бич современного общества. Простой в синтезировании, почти не вызывающий привыкания на физическом уровне, но полностью порабощающий разум психологически.

И легально зарегистрированный, что самое обидное. Создатели слакса несколько раз судились с различными организациями, но пока выигрывали все дела: уровень вызываемой зависимости не превышал табачную, и крыть такой козырь противникам наркотика было нечем. Смертность же от передозировки случалась редко, и если сравнивать с алкогольным отравлением, вообще превращалась в ничтожную величину.

Но на трупе Алекса Вендара отвратительная картина не закончилась. На невысоком топчане, пристегнутая кожаными оковами, стояла покрытая шрамами голубая мультяшная лошадка-синтет с крыльями. Увитая ремнями какой-то сбруи, что составляла ее единственную одежду, задрав круп и хвост. Явно не по собственной воле: ремни и подпорка не позволяли ей изменить позу.

У Пола вырвалось короткое ругательство.

– Мик, отбой, – сказал он, опуская оружие. – Здесь у нас непреднамеренный суицид… и вроде как свидетель.

Он подошел к изголовью топчана. Огромные глаза лошадки раскрылись, а сквозь удила раздался тот самый хрип, который привлек внимание полицейских в коридоре.

– Чего ты там лепечешь? – спросил Пол, отстегивая с миловидной мордочки некое подобие уздечки. – Ты вообще говорить умеешь?

– Пить… – жалобно прохрипела синтет, затем повторила. – Пить…

…Через несколько минут пони была отстегнута от топчана, напоена водой и первым делом попросила разрешения вымыться и одеться.

Пол вызвал медиков, в то время как Мик водил сканером по комнате, собирая улики.

Пегаска, назвавшаяся Рейнбоу Дэш, привела себя в порядок и поведала о случившемся позавчерашним вечером.

Алекс Вендар, собравшись в очередной раз изнасиловать подопечную, вкатил себе слакса. Очевидно, для остроты ощущений. И, видимо, не рассчитал, или автоинъектор засбоил, но доза оказалась смертельной.

А так как Рейнбоу он уже зафиксировал, та не могла ему помочь, хотя бы включив медицинский модуль. Не имела возможности даже позвать на помощь из-за сбруи или освободиться самостоятельно: силы быстро иссякли, а ремни были хорошего качества. Еще немного, и синтет вполне могла умереть от жажды, но к счастью, появились полицейские.

Мик, усмехаясь, подошел к напарнику и показал ему сканер.

Пол глянул туда и сказал:

– Хорошая версия, дорогуша, вот только следы твоей ДНК на автоинъекторе, – на свет появились универсальные наручники, рассчитанные на фиксацию любых видов конечностей, а стволы разрядников повернулись к пони. – У тебя есть право хранить молчание…

Пол увидел, как в огромных рубиновых глазах мелькнул страх.

– Подождите, – сказала пегаска, пятясь. – У меня к вам… предложение.

– Не интересно трахать тебя, – тут же отозвался Мик, вспомнив в каком положении они нашли Рейнбоу.

– Нет, – тут же сказала та, – предложение поинтереснее. Поддержите мою версию – покажу заначку Вендара. Наличные. Не знаю сколько там, но много. Я знаю пароль.

Пол замер. В принципе, удалить следы ДНК с улики просто. И запись сканера стереть тоже просто.

Зарплата полицейского в Сером Городе невелика. Тем более для того, кто всю жизнь мечтает переселиться в квартал повыше. А то хуже Марсельезы разве что Руинберг и тому подобные места.

Он переглянулся с Миком. Тот выразительно поднял брови…

…Когда они выводили Рейнбоу Дэш из дома, у каждого за пазухой лежали толстые пачки банкнот крупного достоинства. В заначке и вправду оказалось много. Пол уже предвкушал, как оплатит переезд в Тетрагон – добротный квартал середняков. Содержать там квартиру будет подороже, чем в Марсельезе, но главной проблемой был разовый взнос. Поддержка нового уровня вполне по карману сержанту полиции.

Они с Миком даже расщедрились на пару пачек для самой Рейнбоу, чтобы тоже держала язык за зубами. Теперь алиби синтета было нерушимым: никаких следов на ампулах, никаких свидетелей. Дело теперь было за самой пегаской, которую должен был допросить следователь…

…Когда Рейнбоу Дэш закончила рассказ, Гайка могла лишь в шоке промолчать.

– Ты ведь не собиралась мне рассказывать об этом? – спросила она, наконец.

– Я собиралась похоронить эту историю вместе с Алексом и всей долбаной прежней жизнью! – сквозь зубы отозвалась пони. – Но приходится смотреть фактам в глаза: прошлые страхи и преступления и впрямь восстают из пепла. И мне страшно… Страшно, Дискорд побери!..

В голосе Рейнбоу звучала натуральная паника.

Гайка не нашла слов.

Потому что одна мысль вытеснила все остальные:

«А что если и мое прошлое настигнет нас?»

Перед глазами Гайки услужливо сложился образ человека в шляпе с очень недобрым взглядом, но мышка в панике затрясла головой, отгоняя тени прошлого.

Пока помогло.

Белая лисица еще пару раз показывалась им. Судя по всему, скорость передвижения не имела для нее решающего значения.

Похоже, она вела путников на какую-то свалку: вокруг все чаще стали попадаться груды металлолома и старой техники. Причем совершенно ясно было, что техника эта военная:

угловатая броня или стремительные очертания, торчащие стволы и пусковые рамы для ракет не оставляли сомнений: это танки, боевые самолеты и прочие машины войны…

Солнце, тем временем, поднялось немного выше, и туман почти рассеялся. Запах влаги еще висел в воздухе, а в радужной гриве пони заблестели капельки росы.

– Рейнбоу… – снова позвала Гайка, внимание которой привлек очередной сюрприз мира Дорог.

– Чего? – буркнула пегаска, обходя очередной ржавый остов.

– Твой шрам…

– Который?

– На шее. Он стал меньше.

Рейнбоу остановилась и посмотрела на мышку.

– Что значит «меньше»? – спросила она, недоверчиво сощурившись.

Взглянуть на собственную шею без зеркала сложно, если только ты не жираф. Так и здесь: пегаска не могла проверить слова Гайки лично.

– Только то, что он теперь стал короче и не такой глубокий.

– Ты так прикалываешься, что ли? Шрамы не рассасываются просто так.

Гайка мысленно поздравила себя с тем, что Дэш отвлеклась от своего страха. Та тем временем остановилась и осторожно дотронулась до шеи. Мышка знала, что хватательная складка хасбровских пони, расположенная на внутренней части копыта, весьма чувствительна и подвижна.

Рубиновые глаза удивленно расширились:

– Странно, и вправду меньше стал. Но… почему?

– Я не знаю. Вечером еще все было как обычно.

– Спрыгни на минуту, – попросила пегаска.

Гайка послушалась и покосилась вперед, где белая лиса терпеливо уселась ждать. Создавалось впечатление, что та слышит и понимает каждое слово.

«Впрочем, так вполне может быть, – подумала мышка. – В конце концов, лиса тоже может быть разумным синтетом, благо, сколько таких было в гетто: с виду звери как звери, а разумны и говорить зачастую умеют».

Рейнбоу тем временем села на задние ноги и скинула куртку. Вывернув шею, она окинула взглядом собственную спину. Поперечные шрамы от хлыста никуда не делись.

Коротко оглянувшись на Гайку, пегаска отгородилась от нее крылом. Судя по звукам и оставшимся на виду движениям, Дэш приспустила шорты, чтобы взглянуть на самый большой шрам, что нарушал рисунок кьютимарки.

– Тоже стал тоньше, – заключила радужная пони, поддернув шорты и убрав крыло. – Чудеса! Насколько я знаю, без нанит или пластики такое нереально. Даже регенеративный гель заживляет раны, но не убирает шрамы.

– Я понятия не имею, почему так, – заранее сказала Гайка.

Уши Рейнбоу вдруг встали торчком, а на мордочке заиграла улыбка:

– А может?.. – начала вдруг она, но осеклась.

Повернувшись к солнцу и расправив крылья, пегаска постояла так пару секунд с закрытыми глазами. Когда же она снова посмотрела на Гайку, во взгляде ее читалось лишь разочарование.

– Нет? – спросила мышка.

– Нет, – вздохнула Рейнбоу, грустно опустив уши, – по-прежнему ничего… Запрыгивай, поехали дальше. Правда, я теперь не знаю, куда.

Попутчицы огляделись, но никаких признаков знакомой старой дороги из желтоватых камней не наблюдалось.

Вокруг простиралась лишь свалка, которая и впрямь оказалась внушительной. Кое-где остовы техники стояли ровным строем, в других местах – свалены в кучу, причем зачастую – со следами серьезных повреждений.

– Вот теперь я узнаю мир человеков, – с иронией в голосе прокомментировала Дэш. – Свалки, оружие, не хватает только банд и фанатиков. И луж какой-нибудь токсичной дряни.

Лисица тем временем завернула за ржавый остов гусеничной машины, только мелькнул пушистый белый хвост.

Рейнбоу, выглянув из-за угла, обернулась к Гайке и сказала:

– Там какой-то дом или мастерская. Или и то и другое сразу. Прикрой меня, пока я хожу в разведку.

– Прикрыть? – удивилась мышка.

– Да, на случай если что-то пойдет не так, я бы хотела иметь козырь в рукаве.

– И что же может пойти не так?

– Даже не знаю. На свалке, полной оружия, в неизвестном мире человеков и с белым чудовищем на хвосте, я бы не стала доверять первой встречной лисице. Хотя бы потому что лисы – известные обманщики.

Гайка даже не нашлась, что возразить. Пожала плечами и спрыгнула на броню мертвой машины.

– Если через десять минут не вернусь, можно идти спасать, – усмехнулась Дэш и, не дождавшись ответа, поцокала к домику с навесом, откуда явственно слышался звук работающего мотора.

Мышка проводила взглядом уходящую пегаску. Та, спустившись по склону, образованному лежащими внахлест бетонными плитами, скрылась из вида, войдя в приоткрытые ворота ангара.

Если не считать приглушенного мерного рокота из мастерской, свалка полнилась лишь тишиной. Не было видно никаких обитателей, за исключением разве что редких насекомых, что ползали в траве.

Гайка, сидя на краю брони, болтала ногами и от нечего делать осматривалась. Древние танки, самолеты и автомобили нашли здесь свой последний приют, оставленные на волю дождей и ветра. Кое-где краска еще сопротивлялась, но пятна ржавчины тут и там прорывались сквозь неровные цвета камуфляжа. Ни одной машины Гайка не узнала, но это ничего не значило: история никогда не была ее сильной стороной.

Вообще, весь этот мир полнился запустением, но почему-то без сопровождающего чувства безнадежности. Не смерть, но дрема, не тлен, но медленное обновление.

Откуда такие мысли, Гайка и сама не взялась бы сказать, но почему-то хотелось улыбаться, а на сердце потеплело.

«Как будто старого друга встретила», – подумала мышка.

Здесь тоже нашлись висящие в воздухе машины и массивы металлолома, а в воздухе зачастую можно было наблюдать искажающие линзы.

Не так много, как Хевлоке, но все же аномалии бросались в глаза.

Гайка проводила взглядом овальное «окно» в воздухе, через которое черты окружающих предметов казались неестественными и даже… мультяшными. Другие увеличивали изображение или уменьшали, многократно отражали или изменяли цвета.

При этом что в Хевлоке, что здесь, аномалии почему-то всегда находились на каком-то расстоянии, но вплотную ни разу не подплыли.

Раздался цокот копыт, и вскоре вновь появилась Рейнбоу Дэш. Вид у нее был спокойный: очевидно, обитатели домика оказались дружелюбны.

Дэш, изо всех сил стараясь придать голосу скучающие нотки, произнесла:

– Что-то в последнее время мне везет на мышей.

Гайка, сразу почуяв подтекст, уточнила:

– О чем ты, Дэш?

– Сначала был один только Маус, хотя он по виду и повадкам больше походил на крысу, на которого я, так или иначе, работала. Не самая удачная часть моей биографии. Потом я встретила тебя и твоего дружка Джерри, которые убедили меня пересмотреть свои взгляды на мир, и за что я поплатилась жизнью… По крайней мере, это дежурная версия.

На мордочке Гайке отразилась душевная боль:

– Прости, я…

– Проехали, – махнула копытом Рейнбоу. – По здравому размышлению, это было всяко лучше, чем превращаться в его копию или медленно спиться. И вот сейчас я встретила большеголового белого мыша, который копался в железках и сказал мне, чтобы я не мешала ему «глупыми вопросами». Видите ли, у него нет времени на разноцветных лошадок, которые о

себе невесть что возомнили. Он сказал это мне! И все еще… эй, Гайка, ты куда? Гайка?!

Рейнбоу, проводив было взглядом убегающую мышку, без труда догнала ее на склоне.

– Куда ты собралась? – поинтересовалась пони. – Я бы довезла тебя…

Гайка притормозила и подняла на пегаску взгляд огромных для своего роста голубых глаз, повлажневших от слез.

– Ты не понимаешь… – тихо проговорила она, и вдруг поняла, что не в силах больше вымолвить ни слова.

Радужная пегаска усмехнулась, чуть приседая:

– Садись уже.

Гайка, сердце которой было готово выпрыгнуть из груди, благодарно улыбнулась и уже становящимся привычным движением запрыгнула на спину пони.

Спустя короткое время Рейнбоу вновь перешагнула порог импровизированной мастерской.

Под огороженным навесом пыхтел старенький дизель-генератор на козлах. Освещенный неверным светом нескольких диодов зал был завален деталями и материалами, а еще – заставлен узкими стеллажами. В середине помещения стояли две колесные машины: одна походила на багги, вторая – на трицикл.

На верстаке же, что занимал целый угол, стоял большеголовый белый мыш в пропыленном комбинезоне и что-то увлечено варил электродугой.

Услышав, как скрипнула ржавыми петлями дверь, хозяин мастерской обернулся и поднял сварочную маску.

– Я же сказал тебе… – ворчливо начал он при виде Дэш, но тут взгляд его упал на сидящую на спине пони мышку. – Гаечка?.. Коннорс?

В спокойном голосе белого мыша появились нотки тщательно скрываемого удивления. Ответа не последовало, и Рейнбоу оглянулась Гайку.

Та, тщетно попытавшись совладать с собой, вдруг уткнулась лицом в ладони и отчаянно разрыдалась…

* * *

…Припав мордой к земле, по степи легкой рысью шел волк. Белый волк с серо-голубыми человеческими глазами и оскалом, что больше напоминал злобную улыбку.

След вел зверя прочь от дороги, и это было хорошо.

Никто не спрячется от него.

Потому что можно замести следы на земле, но запах страха – никогда.

И к новой добыче неожиданно прибавилась старая, давно знакомая. Казалось бы, с которой уже успел распрощаться, но тем более сладостная в своей недостижимости…

Осознание этого настолько переполнило сердце волка злобным восторгом, что по степи пронесся очередной вой, способный составить неплохой дуэт воплю бэнши…

http://tl.rulate.ru/book/82091/2554361